

Серия «Политология. Религиоведение»

2015. Т. 12. С. 188–198

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского

государственного

университета

УДК 323.17(571.1/.5)(063)

Региональный политический процесс в условиях переселенческого общества Сибири: материалы круглого стола

К. В. Григоричев, В. И. Дятлов, Р. Ю. Зуляр, И. В. Олейников,
А. В. Петров, С. Ф. Шмидт

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Основными проблемами для обсуждения в рамках круглого стола стали миграция и диаспоральные процессы во властном дискурсе Сибири, вопросы взаимодействия местных сообществ и местной власти в переселенческом обществе. Кратко рассмотрены особенности политической социализации сибирского студенчества, отражены факторы взаимовлияния федеральных и региональных стратегий развития на участие Иркутской области и Республики Бурятия в процессах международного сотрудничества. Проанализированы особенности протекания муниципального кризиса в городах Иркутской области, дана оценка конфликта с Западом как очередной возможности для развития сибирских регионов. Публикуется сокращенный вариант выступлений участников.

Ключевые слова: круглый стол, регион, Иркутская область, политическая власть, политическая социализация, миграция, международное сотрудничество, муниципальный кризис, региональное развитие.

18 апреля 2014 г. в Иркутске в рамках конференции «Регион в стране и мире – тенденции и динамика политического развития» состоялся круглый стол «Региональный политический процесс в условиях переселенческого общества Сибири», организованный сотрудниками исторического факультета Иркутского государственного университета, редакцией журнала «Полис» и Российской ассоциацией политической науки. В качестве модераторов выступили приглашенные эксперты – д-р социол. наук, проф. МГИМО (У) МИД России, гл. редактор журнала «Полис» («Политические исследования») С. В. Чугров (Москва) и д-р полит. наук, проф. НИУ ВШЭ, А. Ю. Сунгуров (Санкт-Петербург). С докладами выступили: начальник НИЧ ИГУ, канд. ист. наук К. В. Григоричев, профессор кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета, д-р социол. наук Э. Д. Дагбаев; профессор кафедры мировой истории и международных отношений ИГУ, д-р ист. наук В. И. Дятлов; доцент кафедры политологии, истории и регионоведения ИГУ, канд. полит. наук Р. Ю. Зуляр, декан исторического факультета ИГУ, профессор, д-р ист. наук Ю. А. Зуляр; научный директор МИОН ИГУ, канд. ист. наук Д. В. Козлов; доцент кафедры политологии, истории и регионоведения ИГУ, канд. ист. наук И. В. Олейников; доцент кафедры современной отечественной истории, канд. полит. наук А. В. Петров; доцент кафедры мировой истории и международных отношений, канд. ист. наук С. Ф. Шмидт. По результатам ра-

боты круглого стола часть материалов ряда участников была опубликована на страницах журнала «Полис»^{1*}. Ниже публикуются выступления участников круглого стола в сокращенном виде.

К. В. Григоричев. Власть и местные сообщества в пригородах Иркутска

Важной чертой развития Иркутска в последнее десятилетие стало формирование обширного пригорода, социальное пространство которого развивается преимущественно на основе неформальных социальных, экономических и властных практик. Здесь отчетливо проявляются проблемы неэффективности властного и экономического управления, основанные на жестком контроле и регулировании. Перераспределение реальных полномочий (в отличие от «полномочий по решению вопросов местного значения», декларируемых в законе «Об основах организации местного самоуправления») в пользу региональной и федеральной власти (прежде всего через систему формирования местных бюджетов) привело не к росту управляемости территории, а скорее к обратному эффекту. С одной стороны, это проявляется в уходе управленческой деятельности в «серую зону», а с другой – в резком падении интереса местных администраций к развитию территории муниципалитетов и, как следствие, переходу локальной экономики в «серый» режим функционирования. Преобладание неформальной экономики привело к включению в той или иной степени в нее местной власти, что, в свою очередь, обуславливает закрепление неформальных практик и во властном поле.

Специфика развития социального пространства иркутских пригородов демонстрирует расслоение представлений властных агентов об их статусах и взаимоотношениях. Неформально ситуация рефлексирована властью (на муниципальном уровне) в соответствии с реальными процессами и на основе информации, полученной напрямую от местных акторов и/или через непосредственное участие в их взаимоотношениях. Параллельно локальное пространство и протекающие в нем процессы, оцениваются и интерпретируются властными агентами исходя из «официальной» информации, формирующейся в жестких институциональных рамках. Неформальный («серый») характер развития социального пространства, ключевые поля которого все менее отражаются в официальных источниках, не просто обедняет картину развития локального пространства и сообщества, но существенно искажает ее.

Усеченная информация, отражающая лишь видимую через оптику официальных инстанций часть экономического и властного поля локального социального пространства, вписывается в жесткую систему административно-территориального деления. В результате реально существующая и рефлексированная на местном уровне локальность размывается по различным административно-территориальным образованиям, создавая иллюзию реальности проведенных на карте границ и искусственно выделенных территорий. На муниципальном уровне властью (поселенческой и районной администрацией) разрыв

¹ См. более подробно: Зуляр Ю. А. Политические процессы в регионах Сибири / Ю. А. Зуляр, Д. В. Козлов, С. Ф. Шмидт // Полис. 2015. № 1. С. 158–164; Дагбаев Э. Д. Регионы и новая восточная политика России // Полис. 2015. № 1. С. 151–157.

между двумя «образами» пригорода еще осознается и учитывается в управленческом процессе (через включение этих властных агентов в системы неформальных отношений). Однако на каждом следующем вышестоящем уровне власти в силу увеличения масштабов управления и огрубления управленческой оптики понимание разрыва между двумя обозначенными «образами» исчезает. В результате управление все более выстраивается на основе представлений властных агентов «о том, как должно быть», а не «о том, как есть на самом деле», да и сам факт наличия (или, по крайней мере, возможности) такого разрыва игнорируется. Принятые на этой основе управленческие решения, обязательные для нижестоящих уровней власти, в силу несоответствия объективным процессам стимулируют дальнейшее развитие неформальной части экономического и властного полей.

Нарастающее расхождение между представлениями властных агентов об объекте управления и их первичным структурированием порождает необходимость перехода системы взаимодействий во властном поле от отношений прямого подчинения (господства) к практикам мягкого регулирования, реализуемым через символический капитал и приобретающим внешнюю форму партнерства. Однако мягкое регулирование не вписывается в логику «муниципальной контрреформы», рассматривающей местное самоуправление как единую «вертикаль». В результате формируется еще один парадокс, в котором представления вышестоящих органов власти о практиках реализации управленческих решений на ее нижних этажах все более расходятся с реальной управленческой практикой. Обозначенные парадоксы формируют чрезвычайно запутанные правила игры в отношениях власти и местных сообществ, усложняя систему коммуникаций между ними, выталкивают их в «серую зону».

На мой взгляд, ситуация пригорода – не уникальный феномен, а скорее максимизированная модель развития локального социального пространства, складывающаяся в условиях современной России.

В. И. Дятлов. «Сибирь – территория согласия»: идеологема и бренд

Существует устоявшееся убеждение: «Сибирь – территория согласия». На всех уровнях, официально и неофициально, представителями элиты и простыми обывателями развивается мысль о том, что своеобразие исторических судеб Сибири исключает возможность этнически окрашенных конфликтов. Мотивируется это формированием сибирского общества как переселенческого, т. е. как синтеза гетерогенного пришлого и аборигенного населения. Общества, формируемого миграциями и потому застрахованного от мигрантофобии. Важно понять: это констатация, надежда, идеологема или бренд, активно продвигаемая торговая марка?

Дореволюционная ситуация демонстрирует типовые для России антисемитизм, полонофобию, германофобию, синдром «желтой опасности». Действовали правовые ограничения и соответствующие административные практики. Существовала ксенофобия и в среде сибиряков. Однако интенсивность их ксенофобских комплексов была ниже, чем в метрополии. Даже властные структуры, обязанные транслировать общероссийские ограничительные нормы и практики, зачастую делали это спустя рукава, а то и просто игнорировали. Поляки и

евреи, в том числе политические ссыльные, получали невозможные в ядре империи возможности. Вероятно, в переселенческом обществе человеческий ресурс ценился больше в силу своей дефицитности. В этом контексте и дизайн конфликтности мог обладать большим своеобразием. Это не означает отсутствия «фигуры чужого» или ее меньшей роли как регулятора социальных отношений. Просто «чужак» мог быть другим, скажем новичком, претендующим на дефицитный ресурс.

Советская эпоха во многом нивелировала региональные различия и создала новый набор ксенофобий. Основные объекты ксенофобских комплексов находились вне этнической и миграционной сфер (не исключая их полностью). Однако гигантская роль дискурса «национальности» и «национальных отношений» способствовала тому, что, привыкнув рассматривать себя и окружающих в категориях примордиальной этничности, и простой человек, и властные структуры распространили это видение на формирующиеся в постсоветских условиях потоки трансграничных мигрантов. Обретает новую силу сложившийся на закате советской эпохи образ «кавказца» – временного мигранта из советской, но культурно чужой провинции. Человека, активно и успешно занимающегося не одобряемой властями и осуждаемой общественным мнением предпринимательской деятельностью. Выделенного обликом, особенностями поведения и бытовой культуры. «Торгаши», «чужие», «черные» – вот основные, как видим негативные, составляющие стереотипа.

К началу нулевых годов мигранты заняли такое огромное место в жизни российского общества, что это потребовало отдельного отношения и стереотипа. Из специальной литературы в массовое употребление вошло слово «гастарбайтер». Оно отразило радикальный переход от этнического принципа стереотипизации к мигрантскому. «Гастарбайтер» – это «мигрант», приехавший из-за границы, чтобы работать, заработать деньги и уехать. Его этничность, культура, страна происхождения, его личные качества никого не интересуют. Его присутствие раздражает, но приходится с ним мириться, ибо надо кому-то работать на грязных и низкооплачиваемых работах. Он должен «знать свое место» – и место это находится вне социальной иерархии принимающего общества. Мигрантофобия постепенно замещает ранее господствовавшие этнофобии.

А что восток России, где немногочисленное собственное население оказалось на пути огромных миграционных потоков из Китая и Центральной Азии? Регион, существование которого никогда не мыслилось без постоянного притока новых людей? В 1990-х гг. был мощный всплеск кавказофобии и страха перед «китайской экспансией». Нулевые годы стали периодом взаимной адаптации и общей стабилизации. Кто сейчас помнит о том, что в 1990-е гг. основным «врагом» были азербайджанцы и именно вокруг них бушевали основные мигрантофобские страсти? Нет страха, соответственно и ненависти, к «таджикам». Страхи перед «китайским нашествием» дополняются (отчасти и вытесняются) прагматическим пониманием ценности китайских мигрантов как важнейшего ресурса и личного благосостояния, и развития региона.

Если и есть в сфере толерантности/интолерантности в Сибири особенности, то они не врожденные и не постоянные. Нет такой «хромосомы» в «гено-

типе» переселенческого общества. *Все ситуативно и все изменчиво.* Только постоянное желание и способность общества и власти удерживать мигрантофобию в социально безопасных рамках будет формировать основные параметры экономического, политического и культурного развития.

Р. Ю. Зуляр. Проблемы политической социализации сибирского студенчества в свете формирования российской идентичности

В 2000-е гг. российские исследователи активно используют термин «идентичность» как синоним термина «ментальность». В развитие этой тенденции получила распространение категория «политика идентичности». Исследователями она понимается как процесс конструирования определенной модели идентичности с заранее заданными свойствами и в интересах конкретной политической группы или организации.

Наряду с категориями «государственная» (национальная) и «региональная идентичность» в исследовательских работах приводятся и более дробные и частные определения – «территориальная», «локальная» и «объектовая». Выделение частных уровней феномена идентичности позволяет рассматривать российскую (национальную, федеральную) идентичность как политическую макроидентичность, близкую к понятию европейской идентичности. Это дает возможность адекватно реагировать на реалии и вызовы процессов глобализации и, следовательно, обеспечить соответствие политической социализации российской молодежи требованиям эпохи постмодерна.

Говоря о российской идентичности как задаче образовательного процесса в высшей школе, мы ориентируемся на конструирование гражданской идентичности. Она рассматривается как близкая и понятная, а главное, приемлемая для молодежи цель. И исходим из того, что гражданская идентичность – основа российской политической идентичности.

Российская идентичность является альтернативой усиливающемуся индивидуализму и воинствующему консюмеризму. Либо мы определяем российскую идентичность как дух страны, ее миссию, смысловой, ценностный и видеоряд и работаем по внедрению ее как идеологической доминанты, либо запускаем процесс разрушения политических институтов гражданственности, приводящий к ликвидации России как государства.

Процесс конструирования российской идентичности представляет собой сложную системную совокупность, включающую в себя создание эффективной коммуникационной базы, запуск механизмов политической социализации и консолидацию на ее платформе представителей различных политических, культурных и этнических групп. На сегодня высшая школа является единственной в своем роде постоянно действующей социализирующей площадкой, на которой представители всех без исключения региональных, территориальных, этнических, религиозных, имущественных и других групп осуществляют равноправное взаимодействие между собой и одновременно с государством.

В динамично меняющихся социально-политических условиях России одной из важнейших задач высшей школы является подготовка нового поколения государственных и общественных деятелей, руководителей предприятий и учреждений, преподавателей общеобразовательной и высшей школы, устойчи-

во ориентированных на последовательную реализацию демократических идеалов в свою жизнь и деятельность.

Сибирские вузы в процессе политической социализации студентов призваны играть главную роль в воспитании в духе российской идентичности студентов мегарегиона. В процессе ее реализации им предстоит одновременно культивировать у них пять моделей идентичности, встроенных друг в друга по принципу матрешки. Это «объектовая» (вузовская корпоративная), «локальная» (городская), «территориальная» (регионально субъектная), «региональная» (сибирская) и, наконец, «государственная» (российская) идентичность.

Казалось бы, калейдоскоп форм и конструкций затрудняет понимание и выполнение этой программной задачи для научно-педагогических и административных структур вузов. На самом деле эти виды идентичности так диалектично связаны и взаимообусловлены, что процесс их восприятия и усвоения студентом осуществляется одновременно и непротиворечиво. Игнорирование промежуточных уровней делает цель недостижимой. К тому же следует учитывать синергетический эффект, возникающий в результате таким образом организуемой политической социализации.

И. В. Олейников. Иркутская область и Республика Бурятия в процессах международного сотрудничества: проблемы взаимовлияния федеральных и региональных стратегий развития

Регионы Байкальской Сибири – Иркутская область и Республика Бурятия – участники межрегиональной и внешнеэкономической деятельности. Регионализация как модель выстраивания отношений на разных уровнях регионов зачастую связывается с более масштабными мировыми процессами. Наполнение понятия «регионализация», в том числе и для регионов Байкальской Сибири, зависит как от особенностей российской внутривнутриполитической ситуации (децентрализация при Б. Н. Ельцине и централизация при В. В. Путине), так и от изменения международной обстановки.

Российское правительство пытается реализовать идею интенсивного освоения и развития обширных пространств Сибири и Дальнего Востока. Регулярно провозглашается их интеграция как в мировую систему, так и в Азиатско-Тихоокеанский регион.

У сибирских и дальневосточных регионов РФ есть ряд проблем, мешающих интеграции в экономику АТР, неразвита инфраструктура – отсутствуют необходимые авиахабы, железнодорожное сообщение, регионы соревнуются друг другом за проекты и финансирование, предоставляемые федеральным правительством, что не способствует взаимовыгодному и планомерному развитию территорий. Негативным является и фактор постепенной депопуляции сибирских и дальневосточных макрорегионов – среди местного населения все в большей степени проявляется так называемый западный дрейф.

Анализируя зависимость международной активности регионов Байкальской Сибири от внешних факторов воздействия, следует подчеркнуть, что в связях по линии «центр – периферия» инициатива исходит от центра, носит экономический и политический характер. Центр консолидирует налоговые поступления, элиты центра принимают ключевые экономические и администра-

тивные решения, проецирующиеся затем на периферию и способствующие либо ее развитию, либо стагнации.

Региональные органы исполнительной власти и бизнес-структуры Иркутской области и Республики Бурятия пытаются найти зарубежных партнеров, привлекая инвестиции в регионы, создавая собственные проекты развития. Иностранные инвестиции рассматриваются как возможность выхода из-под влияния централизованных финансово-промышленных групп, сосредоточенных преимущественно в Москве. Федеральные власти и крупные вертикально-интегрированные холдинги, имеющие собственные интересы в указанных регионах, в свою очередь выступают против чрезмерно активного привлечения иностранных инвестиций. Интенсификация международного сотрудничества приводит к внутреннему разрыву контактов между соседствующими регионами. Так, Иркутская область и Республика Бурятия соперничают из-за возможности привлечения федеральных и иностранных инвестиций. Развернулась конкуренция между регионами-соседями вокруг возможности использования бренда оз. Байкал. Два соседствующих региона пытаются ориентироваться на разные в географическом смысле векторы развития связей на международной арене: если Республика Бурятия делает ставку на расширение взаимодействия преимущественно с государствами Восточной Азии и с Монголией, то Иркутская область пытается развивать и укреплять связи также и со странами, лежащими вне рамок региона Восточной Азии – государствами зарубежной Европы, Индией и, в меньшей степени, – со странами СНГ.

Проявляющееся соперничество за потенциальное внимание федерального центра и гипотетических иностранных инвесторов способствует постепенной эрозии установившихся связей между регионами – идут попытки установления вертикальных связей по линии *субъект Федерации – федеральный центр* и *субъект Федерации – иностранные акторы*. Таким образом, в сложившихся условиях взаимодействия горизонтальные связи между соседствующими субъектами Федерации вынуждены будут стагнировать.

А. В. Петров. Муниципальный кризис: почему он не обошел стороной Иркутскую область?

Когда в 2012 г. губернатором Иркутской области стал С. В. Ерощенко и эра «варягов» закончилась, многие эксперты заявили, что теперь региональная политика станет более спокойной, проблемы затихнут и будут решаться быстро, а элиты начнут объединяться для решения городских проблем. Спустя два года можно констатировать, что это не оправдалось. Муниципальный кризис углубился, стал более скандальным и вышел на телеканалы. Иркутская область неоднократно была показана в федеральных СМИ, и виной этому системные отказы муниципальных депутатов исполнять свои полномочия.

Согласно Конституции Российской Федерации, органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Однако современная модель управления предполагает активное участие губернатора, депутатов представительных органов государственной власти субъекта в решении муниципальных вопросов. За этим можно было наблюдать и в Иркутской области, причем не совсем удачно. В конце декабря 2013 г. губернатор

С. В. Ерошенко лично выезжал в Братск, чтобы заставить депутатов городской думы принять бюджет на 2014 г., остаться в работе, сохранив кворум. На следующий день после его послания региональному парламенту 8 депутатов выходят из думы, тем самым поставив под удар высшее должностное лицо региона. 26 февраля 2014 г. перестала существовать городская дума Тулуна – города, первым в Иркутской области перешедшего на систему сити-менеджмента, но быстро от нее отказавшего. На следующий день депутаты думы Усолья-Сибирского отправили в отставку сити-менеджера. Но наибольший резонанс получили голодовки глав муниципальных образований, чего ранее в России не отмечалось. Глава поселка Невон Усть-Илимского района С. Приходько в течение шести дней, и мэр третьего по численности населения в области города Ангарска В. Жуков в течение ночи, но под окнами прокуратуры, пытались привлечь к себе внимание не самым традиционным способом. Отметим, что позднее В. Жуков был госпитализирован, а и. о. главы Ангарского муниципального образования С. Кажаява помещена под домашний арест. Данный список будет неполным без историй отмены и попыток восстановления всенародных выборов мэра Братска, полного развала власти в Ангарске, неоднократных попыток избрания сити-менеджера в Усолье-Сибирском, принятия и отказа пропорциональной системы на муниципальном уровне (как пример – Иркутск и Черемхово). Все эти события относятся к последним нескольким годам. К сожалению, региональное руководство в силу разных факторов не всегда могло влиять на происходящие процессы.

В настоящее время готовится реформа местного самоуправления, по которой предлагается и вовсе отменить прямые выборы депутатов местных дум в городах, разделенных на внутригородские районы (административные округа). В Иркутской области к таковым относятся Иркутск и Братск. По мнению большинства экспертов, реформа уничтожит местное самоуправление. Выборов не останется, а органы местного самоуправления попытаются встроить в вертикаль власти. И это вместо того, чтобы, наоборот, расширить полномочия муниципалитетов, финансово обеспечить их деятельность. Реформа МСУ в середине 2000-х гг. создала такое количество муниципальных образований, бюджет многих из которых не может позволить себе даже оплатить работу его главы.

Изучив региональный опыт, можно предложить законодателям несколько решения. Во-первых, на пять лет заморозить любые поправки в избирательное законодательство – пусть все избранные и назначенные отработают полностью срок своих полномочий. Во-вторых, отменить институт сити-менеджера как полностью дискредитировавший демократические ценности и идеи. В-третьих, сократить количество как муниципальных образований, так и количество муниципальных служащих, работающих в системе. Оставить прямые выборы глав муниципальных образований. Только местная демократия даст толчок развитию местного сообщества и повысит доверие к властным институтам.

С. Ф. Шмидт. Конфликт с Западом как «шанс на развитие» Сибири и Дальнего Востока

Хочу заметить, что в отечественной истории развитие регионов Сибири и Дальнего Востока, инициировавшееся верховной (столичной) властью, происходило тогда, когда у России серьезно ухудшались отношения с Западом. И пример холодной войны тут далеко не единственный. Схожие примеры можно обнаружить и в дореволюционной (имперской) истории России – активизация освоения Дальнего Востока на рубеже XVIII–XIX вв. (конфликт с наполеоновской Европой), деятельность Н. Н. Муравьева-Амурского в Приамурье и Приморье после поражения в Крымской войне и унижения России «Парижским трактатом» и т. д.

Нахождение и своего рода инвентаризация шансов на развитие для восточных регионов современной России в актуальной международно-политической ситуации, называемой «холодной войной 2.0» (я бы предложил термин «прохладная война», тем более что это достаточно двусмысленно звучит по-английски – cool war) – актуальнейшая задача современной российской научной регионалистики.

* * *

Проведенный круглый стол является возможностью для региональных исследователей быть услышанными представителями экспертного сообщества из центральных городов России. Сам факт проведения такого мероприятия показывает, что политическая наука в регионах Восточной Сибири – Иркутской области и Республике Бурятия – не является замкнутой, исследователи открыты для диалога на серьезные и острые темы, что отметили в заключительном слове и модераторы круглого стола. Будем надеяться, что диалог, начатый в 2014 г., будет способствовать реализации замыслов ученых в новые проекты и внедрению полученных результатов в учебный процесс.

*Материалы круглого стола подготовил
к печати канд. ист. наук И. В. Олейников*

Regional Political Process in the Conditions of the Migration Society of Siberia: Round Table Proceedings

K. V. Grigoriev, V. I. Dyatlov, R. Yu. Zulyar, I. V. Oleynikov,
A. V. Petrov, S. F. Shmidt

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Main issues for discussion at the round table were migration and diaspora processes in the government discourse of Siberia, and the interaction of local communities and local authorities in the migration society. Features of political socialization of Siberian students are briefly described. Factors of federal and regional development strategies interaction on the part of the Irkutsk region and the Republic of Buryatia in the international cooperation processes are reflected. characteristic features of the municipal crisis in Irkutsk region cities are analyzed. The “conflict with the West» as an opportunity for the development of Siberian regions is estimated. Condensed version of the participants’ reports is presented.

Keywords: round table, region, Irkutsk oblast, political power, political socialization, migration, international cooperation, municipal crisis, regional development.

Григоричев Константин Вадимович

кандидат исторических наук, начальник научно-исследовательской части, руководитель лаборатории исторической и политической демографии
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1–310
тел.: 8(3952)521551
e-mail: kvg@isu.ru

Grigoriev Konstantin Vadimovich

Candidate of Sciences (History), Head of the Research Department, Head of the Laboratory of Historical and Political Demography
Irkutsk State University
1–310, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)521551
e-mail: kvg@isu.ru

Дятлов Виктор Иннокентьевич

доктор исторических наук, профессор, кафедра мировой истории и международных отношений, исторический факультет; заместитель главного редактора
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса 1
тел.: 8(3952)241974
Научный журнал «Диаспоры»
119034, Москва, Б. Левшинский пер., д. 8/1, стр. 2
e-mail: vikdyatlov@yandex.ru

Dyatlov Viktor Innokentievich

Doctor of Sciences (History), Professor, Department of World History and International Relations; Deputy Chief Editor
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)241974
Scholarly Journal «Diasporas»
str.1, 8/1, B. Levshinskii per., Moscow, 119034
e-mail: vikdyatlov@yandex.ru

Зуляр Раксана Юрьевна

кандидат политических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1–410 б
тел.: 8(3952)334372
e-mail: raksana-m@yandex.ru

Zulyar Raksana Yurievna

Candidate of Sciences (Politicly), Associate Professor, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History
Irkutsk State University
1–410 b, K. Marx st., Irkutsk, 66400
tel.: 8(3952)334372 e-mail: raksana-m@yandex.ru

Олейников Илья Васильевич

кандидат исторических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса 1–410 б
тел.: 8(3952)334372
e-mail: ilyavasilich@yandex.ru

Oleynikov Ilya Vasilievich

Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University
1–410 b, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)334372,
e-mail: ilyavasilich@yandex.ru

Петров Алексей Викторович

кандидат политических наук, доцент, кафедра современной отечественной истории, исторический факультет

Petrov Alexey Viktorovich

Candidate of Sciences (Politology), Associate Professor, Department of Contemporary Russian History, Faculty of History

Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1 тел.:
8(3952)240522
e-mail: alexey1109@yandex.ru

Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)240522
e-mail: alexey1109@yandex.ru

Шмидт Сергей Федорович

*кандидат исторических наук, доцент,
кафедра мировой истории и междуна-
родных отношений исторический фа-
культет*

Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)241974
e-mail: cevelik@mail.ru

Shmidt Sergey Fedorovich

*Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of World History and
International Relations, Faculty of History
Irkutsk State University*

*1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)241974
e-mail: cevelik@mail.ru*